

Сюй Сяочжэнь лежал, не двигаясь, с широко распахнутыми глазами.

Смешанные, бурлящие эмоции накрыли его с головой, как мощный прилив. Он, стоявший на краю, готовый шагнуть в бездну — вдруг оказался сбит с ног и утянут в ледяные волны.

Мир закрутился, потерял очертания. Он захлёбывался в мутной, солёной темноте, не в силах различить верха и низа. Воды тянули его вниз, в бездонную тишину.

И вдруг — вспышка. Луч света прорезал глубину, ворвался в темноту, ослепительный, живой. Сюй Сяочжэнь, почти на автомате, рванул к нему, схватился, попытался подняться.

Мама умерла. Отец спился. Мачеха увела его в новую семью, родила Шэнь Ле. Спустя несколько лет мачеха с новым мужем тоже умерли. Он не мог прокормить Шэнь Ле. Появилась семья, готовая принять одного из них. Но Сюй Сяочжэнь не мог представить, чтобы это был не брат. Он отдал его.

Хотя бы так Шэнь Ле будет жив. Не умрёт здесь, в восемнадцатом секторе. Но он... он с того дня больше не видел брата.

А потом... потом был Чжоу Янь.

Он всегда думал, что судьба не оставит ему ни капли милосердия. Его жизнь — вечная череда утрат, того, что недополучено и отобрано. Неужели... неужели всё-таки осталось в этом мире хоть что-то тёплое для него?

У него будет ребёнок. Их ребёнок. Его и Чжоу Яня. Только вот Чжоу Янь этого уже никогда не увидит.

Сюй Сяочжэнь не знал, какую принять эмоцию — боль и радость накрыли сразу. Лицо застыло в растерянности.

Омеги, что были рядом, увидев его отсутствующий взгляд, решили, что он в шоке. По привычке им хотелось обнять этого несчастного малыша. Но увидев его грязное, измождённое тело, они так и не решились, остановившись на сочувственных словах.

— Что случилось? Ты можешь нам рассказать.

— Мы тоже омеги. Мы должны помогать друг другу. Мы с тобой.

— Не бойся. Назови имя отца — он ответит за всё, обещаем.

Сюй Сяочжэнь никогда не сталкивался с таким количеством доброжелательных глаз, с такой единой, направленной в его защиту волной сочувствия. Они осуждали мужчину, даже не зная его. Нос щипало. Он быстро опустил голову, чтобы скрыть выражение лица. Он не хотел, чтобы Чжоу Яня, даже после смерти, считали предателем.

— Отец ребёнка... он умер, — выдохнул он.

Женщины ахнули.

— Боже! Значит, это не бросивший альфа, а умерший?!

— Это ужасно... просто ужасно...

— Альфа?... — переспросил Сюй Сяочжэнь, вскинув голову.

— Конечно, альфа! — ответила одна из омег, указывая на его шею. — Ты не знаешь? У тебя на коже след — это метка. Вот здесь, на железе. Альфа впрыскивает туда феромоны, и метка остаётся навсегда.

Сиротливая сцена: мёртвый молодой альфа, омега с меткой, не понимающий даже, что это значит. Два человека, потерянных среди нищеты, живших в своём мире и не знавших даже основ.

Они сочувственно смотрели на живот Сюя Сяочжэня, гадая: кто родится? Альфа? Омега?

— Омеге, получившему метку, нужно регулярно получать феромоны альфы. Иначе информационная система начнёт разрушаться. У тебя уже тревожный случай. Без подпитки твоя железа пересохнет. А железа — это вторая жизнь для нас.

Они объясняли ему всё простыми, доступными словами. В их взглядах было сочувствие и тревога — как к сломанной, ускользающей жизни.

— Ты собираешься оставить этого ребёнка? Если да, тебе придётся удалить метку с железы. Иначе организм будет постепенно ослабевать, а ребёнка спасти не удастся. Вообще, если отец может сопровождать омегу на всём протяжении беременности, подпитывать феромонами — это помогает ребёнку развиваться. Но в твоём случае...

— Честно говоря, мы бы посоветовали прервать беременность. Бедный малыш, но твоё тело слишком слабое.

Советы лились нескончаемым потоком, но Сюй Сяочжэнь зацепился за главное: альфа... у него есть метка альфы.

Альфа?

У него есть метка альфы?

Но... Чжоу Янь — бета. Он сам водил его сдавать анализы. Видел результаты. Он бета.

Сюй Сяочжэнь на ощупь коснулся того самого места на шее. Оно болело. Жгло. Странно, что раньше он не понял, почему Чжоу Янь тогда так разозлился, когда это место... укусил Чэнь Исунь. Теперь понятно. Это была железа.

Чэнь Исунь тоже... укусил его туда.

Сюй Сяочжэнь напрягся, пальцы медленно сжались в кулак. Он осторожно, почти шёпотом, спросил:

— Скажите... если у альфы не прошла полноценная дифференциация... он всё равно может оставить омеге пожизненную метку?

Врач задумался. Похоже, всё оказалось куда сложнее, чем он предполагал.

— Такое возможно. Есть случаи, когда альфа почти завершил дифференциацию: железа уже сформирована, феромоны полноценны, но по каким-то причинам процесс не завершился. Внешне они считаются провалившимися альфами, но при этом всё ещё способны метить омег. Единственное — их феромоны не распространяются в воздухе.

Сюй Сяочжэнь ощутил, как внутри всё похолодело.

Значит, его метка — та, что жгла, та, из-за которой всё тело горело и болело, — принадлежит Чэнь Исуню.

Раньше... ему было всё равно. Он был готов умереть — от болезни, от голода, от обострений. Хоть как. Любой смертью. Он даже не стал бы выбирать.

Но теперь... теперь внутри него жил ребёнок. Единственный, кто остался у него.

И — последний след от Чжоу Яня.

Он не мог умереть. Не хотел.

Он должен был остаться. Должен был выносить и родить. Воспитать. Сохранить.

Вокруг омеги, которые минуту назад смотрели на него с жалостью, теперь явно переменились в лице. Они переглянулись. В их глазах — растерянность, затем раздражение, потом что-то ядовитое.

— Альфа с проваленной дифференциацией? То есть... бета?

— Проклятье... Эти бета уже совсем страх потеряли. Лезут к омегам, будто это позволено.

— Что теперь будет? Если это всплывёт — альфы просто взбесятся. Они скажут, что среди нас есть такие, кто сам пошёл к бете в постель.

— Ребёнок... значит, скорее всего, тоже будет бета?

— Сбросить! Сразу! Этого ребёнка нельзя оставлять!

Разные голоса, но все сливались в один хор:

Этот ребёнок — позор. Он не должен родиться.

Врач как раз вернулся с результатами обследования. Лист в руках, хмурый лоб, очки сползают с переносицы — он нервно поднимает их и говорит:

— Всё гораздо хуже, чем мы думали.

Феромон альфы — того самого — проник слишком глубоко. Он слился с его железой. Чтобы полностью удалить метку, понадобится не меньше шести процедур. Это минимум шесть месяцев. И всё это время тело будет жить под чужим воздействием.

Из-за нехватки феромонов альфы его тело с каждым днём слабело. Это отражалось и на развитии ребёнка — слишком хрупкого, слишком уязвимого.

До родов он вряд ли доживёт.

— Если ты всё же хочешь его сохранить, — врач помолчал, оставляя драматическую паузу, — остаётся один способ. Удалить железу.

Ворвать метку с корнем. Но тогда... ребёнок, скорее всего, не выдержит.

Он не стал продолжать. Его молчание прозвучало громче слов.

Со всех сторон посыпались восклицания:

— Нельзя этого ребёнка оставлять!

— Делать аборт, и как можно скорее! Стереть метку. Найти нового альфу.

Они тесным кольцом обступили медицинскую кушетку. Высокие фигуры, строгие взгляды. Сочувственные, но не терпящие возражений. Они уже приняли решение за него. Не спрашивая мнения, просто кивнули врачу:

— Четыре месяца — срок небольшой. Прерываем. Потом займёмся меткой.

Сюй Сяочжэнь захлёбывался в холодном поту. Рефлекторно прикрыл живот руками и пополз назад, словно мог отгородиться телом. Он яростно замотал головой:

— Нет! Не надо! Я не хочу! Я хочу оставить ребёнка! Режьте железу, если нужно, но ребёнка оставьте!

Их взгляды стали тяжёлыми. Как будто он — упрямый ребёнок, не понимающий, что сам себе роет яму.

— Столько бета мечтают стать омегами — и не могут. А ты из-за ребёнка хочешь лишиться всего?

К нему наклонилась одна из омег. Взяла за руку, заговорила тихо, будто уговаривала младшего брата:

— Послушай, малыш. Ты ещё слишком юн. Поверь нам, мы омеги, мы знаем, как жить правильно. Мы хотим тебе добра. Держись подальше от этих низших бета. Этот... этот мерзавец тебя просто обманул. Бедный малыш, его ребёнок тоже подлый, раз втянул тебя в такое.

— Послушайся. Ты не пожалеешь.

Если Чэнь Исунь — бывший почти-альфа — вызывает у них такое отвращение, такую злость, такое презрение...

То что будет, если он скажет, что отец ребёнка — Чжоу Янь? Простой бета.

Что будет, если они узнают, что у него нет метки Чжоу Яня, что он был помечен другим, а

ребёнок — всё равно не от того, кто оставил метку? Что между его телом и ребёнком стоит выбор?

Нет. Этого нельзя допустить.

Никто не был на его стороне. Никто даже не подумал спросить, чего хочет он сам. Врач уже шёл с препаратом в руке. Все они были уверены: это дитя — ошибка. И ему не место в этом мире.

Они даже начали показывать ему свои повседневные фото, пытаясь убедить:

— Смотри, вот она — жизнь омеги. Подумай: избавься от этого ребёнка, и ты тоже сможешь так жить. Вот мой парень — разве он не замечательный? Поверь, как только выйдешь отсюда, поймёшь: альфы в сто раз лучше бета.

На снимках — идеальные лица, яркие улыбки, богато сервированные столы. Везде — свет, сытость, красота.

Но Сюй Сяочжэнь не завидовал. Его разум работал с бешеной скоростью, веки дрожали, и вдруг он схватил за руку говорившую омегу, заливаясь слезами, рыдая с душераздирающей искренностью:

— Мы... мы правда любили друг друга. Позвольте мне родить этого ребёнка. Я не буду его воспитывать, отдам его.. Только дайте мне родить, прошу вас...

Омеги переглянулись, на миг тронутые его отчаянием. Но затем снова решительно отказали.

Тогда он перешёл к последнему доводу:

— Тогда... хотя бы дайте мне пару дней. Я схожу на его могилу. Хочу поговорить с ним. Сказать, чтобы если ребёнок тоже уйдёт... он принял его там, по ту сторону...

Сюй Сяочжэнь плакал слишком искренне. Его просьба была слишком человеческой, слишком понятной. Омеги растерянно переглянулись. Спорить с таким было бессмысленно.

— Хорошо. Вот мои контакты и врача. Только не задерживайся, ладно? Твоё тело больше не выдержит.

Он солгал. Он отдал Чэнь Исуню роль Чжоу Яня, не почувствовав ни капли вины. Ведь если бы не Чэнь Исунь, он бы не оказался в этом аду.

Сжимая клочок бумаги с номерами, Сюй Сяочжэнь почти вылетел из медицинского кабинета. Только вдохнув свежий воздух, он почувствовал — он жив.

Потрогал шею. Омега, бета — неважно. Он хотя бы попробует. Попробует сохранить этого ребёнка.

Омеги не задержались в восемнадцатом секторе. Уже вечером они отправились обратно, в четвёртый.

Они были уверены: Сюй Сяочжэнь просто запутался. Что может держать его в этой нищете?

Кто в здравом уме откажется от железы и будущего омеги — ради плода от беты, которого с высокой вероятностью он всё равно потеряет?

<http://bllate.org/book/14462/1279141>